

Николай Эдуардович Гейнце

В тине адвокатуры

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Николай Эдуардович Гейнце

В тине адвокатуры / Николай Эдуардович Гейнце – М.: Книга по Требованию, 2011. – 394 с.

ISBN 978-5-4241-2581-2

Это история восхождения к богатству и падения Н. Г. Гиршфельда, адвоката, не брезгующего никакими средствами для достижения своей цели.

ISBN 978-5-4241-2581-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Николай Эдуардович Гейнце
В тине адвокатуры

Часть первая

ЖРЕЦЫ ВААЛА

*На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Н. Некрасов*

I

Молодой волчонок

— Станция Ломовис, поезд стоит три минуты! — зычным голосом прокричал обер-кондуктор, соскочив на станционную платформу, у которой поезд, уже останавливаясь, замедлил ход и, наконец, остановился совершенно.

Из вагона второго класса вышел только один пассажир, молодой человек лет двадцати трех, небольшого роста, но стройный, шатен с бледным, выразительным лицом и умными карими глазами, уверенно смотревшими через золотое пенсне, крепко сидевшее на правильном, с маленькой горбинкой носу. Небольшие усики оттеняли толстые, чувственные губы. Одет он было в светло-серую летнюю пару и таковую же крылатку, на голове была маленькая, с узкими полями, шляпа из черного фетра, в правой руке он держал изящный зонтик, а в левой — дорожный сак.

Одновременно с выходом пассажира, из багажного вагона был выброшен большой чемодан желтой кожи.

Это было в половине июня 187* года.

— Возьми, любезный, мой багаж, — обратился прибывший к железнодорожному сторожу, подавая ему багажную квитанцию и указывая на лежавший на платформе чемодан.

Сторож бросился исполнять приказание.

Раздался свисток обер-кондуктора и поезд отправился далее.

Сторож, с чемоданом в руках, стоял около оставшегося пассажира.

— Лошадей прикажете?

— Из имения князя Шестова разве не прислано экипажа?

— Под учителя?

— Ну, да, под учителя! — поморщился пассажир.

— Часа три как коляска дожидается, кучер в станционной кухне спит...

— Так пойдй, разбуди его, чемодан положи в экипаж и вели подавать.

Сторож исчез.

Путешественник вошел на станцию и опустился в ожидании посланного на один из деревянных диванов, стоявших по стенам. Воспользуемся временем его ожидания, чтобы представить его читателям.

Кандидат прав Николай Леопольдович Гиршфельд, сдавший выпускной экзамен в московском университете и представивший кандидатскую диссертацию на тему: «Деньги как экономическая сила», был молодой человек, подающий, как говорится, блестящие надежды.

Большинство такого рода молодых людей так и остается до конца дней живота своего подающими надежды, некоторые из них вскоре обращаются в безна-

дежных. Но Николай Леопольдович был из молодых да ранний, и с первого взгляда на него можно было, не будучи пророком, предсказать, что он не пропадет и спокойно дойдет до раз им намеченной цели... Цель эта, впрочем, вся исчезла в рефрене известных куплетов:

Ничего, кроме денег, не надо!

«Деньги, — рассуждал, конечно, сам с собою, еще на гимназической скамейке Николай Леопольдович, сила. За деньги я куплю себе все: уважение, славу, почет... Звон презренного металла это благовест на колокольне современного храма золотого тельца», — повторял он с восторгом где-то слышанную им фразу.

Самый выбор темы для кандидатской диссертации указывал, что университетский курс не сбил его с раз намеченной дороги, что из-под крова храма науки вышел еще неоперившийся орел-стервятник, будущий жрец Ваала или попросту делец-акула.

Было ли это следствием его происхождения от колена Левитова (отец его, хотя и был лютеранином, но происходил из немецких евреев), или же он был просто продуктом современного жиждовствующего веяния времени? Решить этот вопрос затруднительно. Отец его, бедный учитель музыки, упорно отрицал свое семитическое происхождение. Сын же, наоборот, громко заявлял, что с большим удовольствием готов причислить себя к потомкам Израиля, чем к утопающей в своем глубокомыслии немецкой нации.

«Все гениальные люди — евреи»... — парадоксально подтверждал он свои симпатии к этому народу.

Он забывал при этом другой, более близкий к истине парадокс: «все евреи — гениальные мошенники».

Одно лишь обстоятельство останавливало этого молодого волчонка снять овечью шкуру — это бедность.

Грошевые студенческие уроки и небольшие суммы, которые он, буквально, вымогал у своих, перебивающихся с хлеба на квас, родителей, единственным сыном, единственною надеждою и единственною радостью которых был, едва хватало ему на изящный костюм, необходимый для поддержания знакомства с богатыми товарищами (он был знаком только с такими) и на другие нужды этого далеко не дешево обходящегося общества.

Приходилось все-таки со скрежетом зубным отказывать себе во многом...

— Все верну, сторицей верну... — утешал себя Николай Леопольдович, — только бы дотянуть до диплома.

Когда эта желанная бумага была получена и положена в карман, и он, высоко подняв голову, вышел из правления университета, жизнь представлялась ему заманчивой картиной...

Поскорее бы только занять место за этим пиром, который, по выражению эпикурейцев, надо оставить только насытившись, но как это сделать?

Конечно, за этим пиром желанные гости, ведущие себя как дома — адвокаты...

Он давно принял решение причислиться к их сонму...

Достав рекомендательное письмо к одному из московских светил, он без труда, недели в две, был зачислен к нему в помощники.

Там уж поприще широко!

Знай работай, да не трусь!

Вот за что тебя глубоко

Я люблю, родная Русь...

Это стихотворение народного поэта не выходило из головы Николая Леопольдовича.

— Но как вступить на это широкое поприще без денег? Необходима квартира, изысканная обстановка. Без этого не вотрешь очков доверителю, без этого нельзя сказать ему с апломбом: «Не твой рубль, а мой рубль», — и положить этот чужой рубль в свой карман на законном основании.

Попробовал было он позондировать дражайших родителей, но увы, собранные ими для будущего светила адвокатуры крохи были каплею в море предначертанных расходов для твердой постановки карьеры.

«Жениться!» — мелькнуло в голове Ликолая Леопольдовича, но он тотчас же отбросил эту мысль. Не то, чтобы он не хотел продавать себя. Ничуть. Он продал бы себя даже по фунтам, если бы это было возможно. Он боялся продешевить себя.

«Если бы пристроиться к какой-нибудь богатой старушке или еще лучше к замужней женщине средних лет...» — мечтал он, глотая слюнки от одного предвкушения благ земных, имеющихся очутиться в его власти в подобном положении.

Случай ему благоприятствовал.

II

Попытка не пытка

Терзаемый мучительными вопросами первоначального устройства своей карьеры на широкую ногу, зашел он побеседовать да и посоветоваться к своему бывшему учителю русской словесности Константину Николаевичу Вознесенскому.

Вознесенский был когда-то преподавателем одного маленького московского пансиона, где Николай Леопольдович провел года два до поступления в гимназию.

Пансион этот, впрочем, вскоре постигла судьба многих московских пансионов: он закрылся за недостатком учащихся, а Вознесенский, с помощью одного капиталиста, открыл свое большое реальное училище и повел дело на широких началах.

Дело оказалось блестящим.

Николай Леопольдович, надо сознаться, надеялся не только на советы, но и на материальную поддержку любившего его Константина Николаевича.

Войдя в подъезд громадного дома на Мясницкой, где помещалось реальное училище, он не без тревоги справился у солидного швейцара, дома ли Константин Николаевич.

— Дома, пожалуйста! — серьезно проговорил швейцар, снимая с пришедшего пальто.

Николай Леопольдович поднялся по широкой, устланной коврами лестнице, прошел в сопровождении выбежавшего на звонок швейцара, лакая длинный коридор и очутился к роскошно убранной приемной.

— Вы по делу? Как прикажете доложить? — осведомился лакей.

— Нет, я так повидаться.

— Потрудитесь обождать, приемные часы до двух, они в кабинете с посети-

тельницей.

— Хорошо, я подожду.

Лакей удалился.

Николай Леопольдович опустился в мягкое кресло, крытое темно-синим штофом, и взглянул на стоявшие на массивном пьедестале из черного дерева роскошные часы.

Было без десяти минут два.

— Даст, или не даст? — загадал на пальцах Гиршфельд. Пальцы не сошлись.

Он закурил папиросу и стал пускать кольцами дым.

В этом занятии прошло минут пять.

Вдруг тяжелая дубовая дверь кабинета отворилась, откинулась портьера и на пороге, в сопровождении Константина Николаевича, появилась нарядно одетая, высокая, стройная барыня.

Темно-каштановые волосы густым бандо падали на ее спину из-под легкой черной кружевной шляпы с веткой темной сирени. Темно-лиловое платье красиво облегло ее стан, говоря, впрочем, более об искусстве корсетницы и портнихи, нежели о дарах природы.

Цвет лица, очертание бровей, глубина темных глаз тоже красноречиво говорили об искусстве, хотя черты этого артистически отремонтированного лица были правильны и красивы.

Николай Леопольдович поспешно встал и поклонился.

Константин Николаевич с радостным восклицанием пожал ему руку.

Барыня окинула его быстрым, как бы вызывающим взглядом и обратилась к Константину Николаевичу:

— Ainsi, вы мне положительно отказываете в вашем содействии?

— Положительно, княгиня, примеры прошлых лет ставят меня в невозможность...

— Но чем же виноват мой мальчик, что у него полоумный отец? Впрочем, я публику и выберу сама.

Последние слова она видимо умышленно подчеркнула, причем снова бросила выразительный взгляд в сторону отошедшего в амбразуру окна Николая Леопольдовича. От него не ускользнул этот взгляд.

— Это будет самое лучшее, ваше сиятельство... — заметил на ходу Константин Николаевич.

— Au revoir! — протянула она ему руку, затянутую в светлую лайковую перчатку, и скрылась в коридоре.

— Теперь я весь ваш, милейший, — подошел Константин Николаевич к своему гостю. — Прием, слава Богу, кончен: пойдемте завтракать.

Он взял его под руку и повел в столовую, находившуюся в противоположной стороне кабинета.

— Если я кому-либо в жизни завидую, то сознаюсь, что вам, — заметил Гиршфельд. — Всегда по горло занят, но всегда бодр и весел. Это, вероятно, одна из причин вашего постоянного успеха во всем. Человек, вешающий голову, сам подписывает свой смертный приговор. Вам, видимо, легко далось сделаться баловнем судьбы...

— Вы скоры на приговор, мой молодой друг, это не совсем так. Успех дается лишь тому, кто его заработал. Фортуна не даром изображается женщиной. За ней

надо уметь ухаживать и ухаживать настойчиво и серьезно. Это не кисейная барышня, которую можно увлечь потоком громких фраз, и не светская львица, падакая на мимолетные интрижки. Нет, это серьезная барыня, которая дарит свою благосклонность только серьезным людям.

— Ну, — подумал Николай Леопольдович, — это ты, кажется, того... зарпортовался... фортуна нашего времени — просто кокотка.

Однако, он не высказал этого взгляда своему бывшему учителю.

— Я видел много лишений, испытал почти нищету, прежде нежели дошел до этой тихой пристани, заработанной усиленным трудом, — продолжал Константин Николаевич. — Мне всего сорок пять лет, а я почти седой, и на голове не осталось волос, как говорится, даже на одну клочку.

Константин Николаевич был небольшого роста, быстрый в движениях человек, безукоризненно одетый в серую летнюю пару и белый галстук (он носил только черный и серый цвет).

Его лицо, обрамленное жиденькой, начинавшей сильно седеть козлиной, каштановой бородкой, дышало спокойствием и довольством, и лишь темно-карие глаза выражали настойчивость, энергию и даже суровость.

Не даром он, по рассказам, умел не только учеников, но и даже и учителей своего заведения держать в должном страхе.

Его почти совершенно оголенный череп был украшен на затылке и висках бахромкой редких каштановых, с проседью волос.

Таков был директор московского реального училища с правами реальных гимназий.

III

За завтраком

В комфортабельно убранной столовой Николай Леопольдович встретил инспектора классов реального училища, Ивана Павловича Карнеева.

Карнеев учился с ним в одной гимназии, но был старше его года на четыре, так что в то время, когда Николай Леопольдович перешел в четвертый класс, Карнеев кончил курс первым учеником с золотой медалью и был награжден на акте массою книг, купленных по подписке учителями гимназии.

Еще будучи в седьмом классе, он издал маленькую брошюру по какому-то математическому вопросу.

В гимназии он считался гениальным учеником.

Первый прилив зависти и злобы почувствовал в своем молодом сердце Гиршфельд, присутствуя на акте, который был торжеством для далеко не представительного по фигуре Карнеева.

С тех пор он без злобы и желчи не мог видеть чьего-нибудь превосходства. Даже чтение о подвигах каких-либо выдающихся деятелей вызывало на глаза его завистливые злобные слезы.

Карнеев, между тем, поступил в университет, окончил курс первым кандидатом по физико-математическому факультету, получил за сочинение золотую медаль и был оставлен при университете.

Он стал готовиться к магистерскому экзамену.

Константин Николаевич предложил ему инспекторство в его заведении, соединенное с преподаванием в высших классах.

Карнеев согласился и Николай Леопольдович снова столкнулся с ним на жизненном пути.

Из непредставительного гимназистика Иван Павлович сделался солидным молодым человеком, держащим себя хотя не гордо, но с достоинством, серьезным, не любящим кидать слова на ветер.

Встреча с Карнеевым подняла в душе Николая Леопольдовича прежнюю бурю злобы и зависти.

Он дошел до того, что не мог равнодушно выносить этого спокойного, невозмутимого человека.

«Гордый пошляк», — окрестил он его про себя, но ничем перед Константином Николаевичем, зная глубокое уважение последнего к Карнееву, не выдал своей тайны.

«Наверное будет неудача, раз этот торчит здесь!» — думал он, любезно пожимая руку Карнееву.

— Поздравить можно? — спросил Иван Павлович.

— Да, кончил кандидатом, хотя и не первым, — умышленно подчеркнул Николай Леопольдович.

Иван Павлович сделал вид, что не заметил намека. Сели за стол.

— А я и забыл поздравить, значит — мы нынче выпьем за здоровье нового кандидата прав и будущего адвоката, — сказал Константин Николаевич.

— Не будущего, а даже настоящего, я уже принят в число помощников присяжного поверенного, — заметил Гиршфельд.

— К кому записались?

— К Левицкому.

Константин Николаевич поморщился.

О деятельности этой адвокатской знаменитости ходили по Москве далеко нелестные слухи. Говорили, что его, бывшего петербургского профессора, отказались принять в свою среду присяжные поверенные петербургского округа, и он лишь фуксом¹ попал в это московское сословие.

— Быстро, ну, да дай Бог. Думаете начать практику? — задал вопрос Константин Николаевич.

— Не знаю, право, я было и зашел к вам посоветоваться... поговорить...

— И прекрасно, уединимся после завтрака в кабинете и потолкуем, а пока кушайте.

Все трое принялись за обильный завтрак. Константин Николаевич наполнил стаканы вином.

— Эта княгиня Шестова опять ко мне приставать приезжала... — обратился он к Карнееву.

— Об учителе для сына? — улыбнулся тот.

— Кажется, больше для себя.

Николай Леопольдович наострил уши.

— Что же вы, рекомендовали? — спросил Карнеев.

— Напрочь отказал, помилуйте, два года подряд одна и та же история. Возьмет учителя для сына, заведет с ним шуры-муры. Муж, выживший из ума старик, делает в деревне скандалы, да еще приезжает сюда объясняться. Вы, дескать, рекомендовали студента, а он увлек мою Зизи. Это Зизи-то, эту старую бабу увлек... Комикс...

— Чай обиделась?

— Кажется, хотела публиковать, я сказал, что это самое лучшее. Только, боюсь, опять явится, благо здесь недалеко, в Северной гостинице остановилась...

— Да зачем, говорю я, вам репетитора, когда все равно сын ваш на второй год в классе остался?

— Помилуйте, как же мальчик будет без присмотра!?

— Ну, думаю, матушка, кажется за тобой более присмотра нужно.

— Что же вы не кушаете? — обратился он к гостям.

— Помилуйте, по горло сыты, всего по немножку попробовали, — заметил Николай Леопольдович, отодвигая тарелку.

— Я так даже попрошу позволения откланяться, — встал Карнеев, — мне необходимо съездить по делу.

— Если по делу, не задерживаю, сигару на дорогу захватите, — пододвинул Константин Николаевич гостям ящик с сигарами и взял одну сам.

Гости не отказались. Когда сигары были закурены, Иван Павлович вторично откланялся и вышел из столовой.

— Пойдемте и мы беседовать в кабинет — там удобнее, — предложил Гиршфельду Константин Николаевич, когда они остались одни.

Гиршфельд встал и последовал за хозяином.

Кабинет Вознесенского представлял из себя смесь возможной простоты и возможного комфорта. Мягкая мебель, турецкие диваны по стенам манили к покою, к кейфу, а громадный письменный стол, стоявший посредине и заваленный массой книг и бумаг указывал, что хозяин покупал минуты этого покоя усиленным, непрестанным трудом. Массивный библиотечный шкаф, наполненный книгами, и тяжелые портьеры на дверях и окнах дополняли убранство этого делового хозяйского уголка. Мягкий ковер на полу этой обширной комнаты заглушал шум шагов.

Константин Николаевич с Гиршфельдом уселись с сигарами на одном из турецких диванов.

IV

Сорвалось!

— Ну, дружище, какой же совет нужен от меня, ничтожнейшего смертного, будущему светилу русской адвокатуры? — пошутил Константин Николаевич.

Николай Леопольдович рассказал откровенно свои планы и невозможность их осуществить в настоящее время.

— А разве нельзя остаться пока с родными и начинать не сразу на такую широкую ногу?

— Об этом нечего и думать; это значит на первых же порах испортить себе карьеру. Обстановка и внешность для адвоката первое дело. Без этого закрывай лавочку.

— Лавочку... хорошо сказано... — улыбнулся Константин Николаевич. — Но что же делать?

— Я вот что надумал. Теперь время летнее, глухое. Взять на лето хороший урок, скопить деньжонок, а с сентября начать практику. Вас хотел попросить не рекомендуете ли вы?

— С удовольствием бы, да поздно, все уже разъехались из училища. Если

обратятся, то, конечно, место будет за вами, да едва ли, говорю — поздно.

— Жаль!

— Вот княгиня Шестова все просит рекомендовать ей учителя, но не вас же я ей рекомендую... Она просто ищет себе любовника, а какой же порядочный человек на это согласится...

— Гм! Конечно... — заметил Николай Леопольдович.

— Не лучше ли было бы вам сначала поступить на службу здесь, в Москве, или в Петербурге, наконец, в провинции, там быстрее ход. Я бы мог вам дать рекомендательные письма. У меня есть в министерстве юстиции и в разных судебных учреждениях знакомые — люди влиятельные...

— Нет, нет, я чувствую, что адвокатура мое настоящее призвание...

— Призвание-то это от вас бы не ушло, послужили бы годиков пять, не понравится — бросите и прямо будете присяжным поверенным, а служба великая вещь, она вырабатывает характер, приучает к регулярному, систематическому труду... Подумайте, милейший друг!

— Нечего и думать. Я захохотать в канцелярии, заглушу и последние мои способности, если они только есть у меня, из меня выйдет ограниченный человек и неспособный чиновник, вот и все. Если начинать работать на избранном поприще, то надо относиться к нему с любовью, вступать на него со свежими силами, а не покрытым канцелярскою пылью, заеденным бумажною формалистикою... И не говорите, ни за что, ни за что!

— Вы хорошо делаете, что просите не возражать, так как возразить можно много против этого восторженного молодого бреда... — заметил Константин Николаевич.

Наступило молчание.

— А если бы я попросил у вас займы рублей шестьсот для первого обзаведения, вы бы мне не отказали? — вдруг в упор спросил Николай Леопольдович.

— Нет, отказал бы, — серьезно, после некоторой паузы ответил Вознесенский. — И не потому, что не верю, или не могу дать этих денег, а просто потому, что люблю вас.

— Это, то есть, как же?

— Так... Начинать карьеру с займа плохое дело. Это значит строить здание на песке. Если впоследствии случится нужда и надо будет перехватить, поверьте, вы у меня не встретите отказа, но на обстановку, будто бы нужную для адвокатской лавочки (ваше собственное выражение), хоть сердитесь на меня, не дам...

— Да я и не прошу, я пошутил, можно будет в самом деле начать понемножку.

— И самое лучшее. Тише едешь, дальше будешь...

«От того места, куда едешь», — злобно подумал про себя Гиршфельд.

— Лучше бы все-таки поступить на службу...

— Нет, нет, ни за что, и не говорите! — замахал руками Николай Леопольдович.

— Молчу, молчу...

Собеседники закурили сигары.

Николай Леопольдович встал и начал прощаться.

— Ну, подавай вам Бог счастья и успеха, — обнял его Константин Николаевич. — Вы не сердитесь?